

Владимир Губа

Губа Владимир Егорович родился 01.07.1955 года в с. Озёрки Каргатского района Новосибирской области. После восьми классов уехал в Новосибирск и поступил в 7-е училище на радиста-метеоролога. Служил в Читинской области. Окончил Читинский пединститут им. Н. Чернышевского (филфак). В 1982 г. работал внештатным корреспондентом газеты «Комсомолец Забайкалья». Вернулся в Новосибирск. Стихи публиковались в поэтических альманахах, читал стихи на поэтических марафонах Новосибирска. 01.07.2013 г. в день своего рождения ушёл из жизни. Благодаря энтузиастам из клуба «Этнос» (Валентине Чудаковой, Роману Осташевскому и Ольге Киевской, а также издательству «Академиздат») вышел после смерти авторский сборник стихов «Иду по серебру».

Книжник

*... Чердак – каюту,
Моих бумаг божественную смуту.
М. Цветаева*

Обманывать мне не с руки.
Наказан по жизни не мало,
я с детства любил чердаки
и ненавидел подвалы.

Познал я и верх, и низ.
Но чаще на дне, поверьте,
со мной среди непуганых крыс
беседовал мрак о смерти.

Я верить ему не хотел.
Но он убеждал бесспорно –
крысиным обилием тел
и стылой судьбой беспризорной...

До тёплой чердачной трубы
подняться копилась охота,
изведать шотландской судьбы
и Стивенсона, и Скотта.

Там неугомонный сверчок,
там звёзды в щелях роятся.
Мечтается так горячо,
когда на часах двенадцать!

Там тают заботы земли,
не пахнет жильём поганым.
Я вижу – плывут корабли
с попутной волной к Зурбагану.

А к тем, чья слеза солона,
кто лишь одиночеством грешен,
Бегущая по волнам
приходит в скитаньях утешить.

Хранятся в чердачной пыли –
за тонкой паучьей сеткой –
загадки пиратской земли,
пиратская «чёрная метка».

Порой, когда ветер – нагл –
На крепость пытается крышу,
я странствий чудесных флаг
под страстной луною вижу.

И странным покажется вам
из ваших квартирочек нижних,

как тихим внимает словам
седой исхудалый книжник...

Я видел разбой и грозу,
но зрелища нет противней –
как крысы в подвалах грызут
Жюль Верна и Сабатини.

Пусть дразнят меня – чудак,
смеются – пусть! – зло иль вяло...
Оставьте мне мой чердак!
Я так ненавижу подвалы!

* * *

Иду по серебру в заветном одиночестве.
О, сколько же ещё шагать по одному?!
То чудится закат, которого не хочется,
то кажется рассвет, который ни к чему.

И давний милый след мечтательно пророчится
на вечном, на родном сиятельном снегу.
Иду по серебру в заветном одиночестве...
Я никому не верю и никому не лгу.

Беленая хатка

У меня был домик – беленая хатка.
У меня был дворик, где играть легко.
В доме у окошка – узкая кровать,
рядом, за окошком – будка для Серко.

Как умел он лаять – просто для порядка,
чтоб не забывали – приносили есть.

У соседей тоже беленая хатка,
у других соседей – крашенная жесть.

В небесах полдневных перистые нити –
словно паутину распустил паук.
Нежится на солнце снов моих хранитель –
старый кот Василий, задушевный друг.

Замычат коровы – значит, гонят стадо.
Кукарекнет Петька – и красив, и горд.
А за огороды убежать не надо,
Мамка мне сказала – там гуляет чёрт.

Мамка говорила, приучала к чуду –
в мире много разных интересных мест.
Вырасту, поеду – знаменитым буду,
если Бог не выдаст, если чёрт не съест.

В городе огромном – ни живой, ни мёртвый –
проживаю тихо – голоден и сир.
Знать бы мне младенцу, что страшнее чёрта
этот интересный, параллельный мир.

Вырвусь на денёчек... Здесь ли это было?
Ни двора, ни дома – только летний зной.
Только на погосте мамкина могила
шёпотом тревожным говорит со мной.

Ты прости, родная, бедность и сиротство,
что сноху и внука потерял легко.
Жалко – рос послушным и за огород твой
не ходил отважно рядышком с Серко.

Поклонюсь могиле, помолюсь украдкой...
У меня был домик – беленая хатка.

Трактат о бессмертных

Из Назарета он – римских и греческих,
русских и прочих Спаситель.
Вышел в бессмертные Сын Человеческий –
верьте, надейтесь, просите.

Не забывайте, заученно каясь,
Райской пленяясь долиной,
Господа Матерь и матерь людская –
в вечности неразделимы.

Рядом – и грешник, и божий послушник –
в звёздной одной карусели.
Вышел в бессмертные Сашенька Пушкин,
вышел Серёжка Есенин.

Многих в бессмертье из мира сосватали –
в храме ли, в море, в краю праотцов –
не умирала Анна Ахматова,
не умирает Коля Рубцов.

В Храме ли, в поле, в берёзовой роще –
чувствую взгляд ваш и голос живой.
Богоугодней, добрее и проще –
К вам продираюсь...
Стану ли свой?

Или пропасть в этом мире
бесследно –
в страстях, суете и сплетнях,
в коконе дел зашитым...

Страшно подумать, страшнее поверить –
Вымерло племя бессмертных.
Смертному нет защиты.

Осенняя охота

Усталый, на исходе года
Я свой сезон почую снова –
Идёт осенняя охота
За диким перелётным Словом.

В рассветном чистом поднебесье
Уходят, радуясь разлуке,
Никем не пойманные песни,
Никем не понятые звуки.

И я за ними устремляюсь –
Такой земной и неказистый –
В четыре глаза ввысь стреляю,
Но так неточен каждый выстрел.

И только радужные перья
От улетающей Певицы
Ложатся блёстками мистерий
На безыскусные страницы.

И наши строчки грубовато
Сжимают звёздной сути жемчуг,
И сны – по-ангельски крылаты –
Для нас божественное шепчут.

Но сердце утреннею песней
Никак не может примириться
С той недоступностью небесной,
Где настоящая Певица.

Пасхальное

Ну, целуй же во имя Творца!
Нас сегодня Господь не осудит.
Золотое сиянье яйца,
полупьяные милые люди.

Каждый нынче улыбчив и прост.
И никто никого не охает.
За деревней на горке погост,
как транзитный вокзал, отдыхает.

Наша вера сегодня чиста.
Вижу я просветлённо и немо:
под ласкающим взглядом Христа
крепко спит твоей горечи демон.

Слышишь добрый спасительный клич?
Покорись этой праведной силе!..
На столе освещённый кулич
пахнет Небом – единым и синим.

* * *

Под нашими скупыми небесами,
Где гнёзд уютных честный не совьёт,
Поэты лгут, но верят только сами –
И то лишь миг – в сознание своё.

Поэты лгут – любой читатель скажет,
Но ложь цветиста, явна и чиста.
Они ведь бога выдумали даже
И любовались муками Христа.

Когда цензурный загуляет нож,
Поэты, не сносить вам головы –
Так честно лгать способны только вы
И так болеть, отстаивая ложь.

И чем смелее и грешней враньё,
Тем больше веры в поприще своё.

Простите!

1.

Простите ушедшего,
простите вошедшего –
за то, что оставил, за то,
что посмел.

Мы все нехорошие,
мы все –
сумасшедшие,
у нас много тёмных,
таинственных дел.

Мы варимся в жарком котле ощущений.
От криков задушенных зубы скрипят.
И каждый мужик – и философ,
и гений.
И каждый – как мученик –
беден и свят.

А звёзды над миром крупнее и ярче.
А месяц – спокойный
и мудрый такой.
Ну что тебе надо, безропотный старче, –
старуха с корытом
да сытый покой?..

2.

Простите убогого, простите красавца
за то, что такими на свет родились,
за их шутовское, сермяжное царство,
за мудрую голову,
глупую жизнь.

У чёрного берега новой эпохи
своим полуграмотным предкам под стать
мы учимся прятать последние крохи,
мы учим потомков
о малом мечтать.

А вечер волнующ,
а вечер заманчив,
а Небо играет
лучистее дня!

Хочу – как идальго
Из древней Ламанчи –
к Тобосу спешить, не жалея коня.

3.

Простите весёлых,
простите печальных –
узнайте себя в них,
простите себя:
вы тоже смеялись,
вы тоже кричали,
вы тоже молчали, зубами скрипя.

Живите спокойно,
любите – надёжно.

Прощайте, о высшей пощаде моля.
Всё светлое – правда,
всё чёрное ложно.

Устала прощать,
Но прощает Земля.
О, сколько изысканных
редких мгновений,
не трогая нас, поспешили пройти!
Я вас умоляю до самозабвенья –
простите поэтов!
Их стоит простить.

Россия

То звоном кандалным разбудит она,
а то колокольным звоном...
Но как ни крути – Россия одна,
а нас у неё миллионы.
Работаем мы от темна до темна,
дубиной и матом учёные,
А то как запьём по-чёрному...
Но как не верти – Россия одна,
и как ни бунтуй – мы покорны ей.
Это врождённое, это не лечится –
сердце любовью и яростью
сводит нам
строгое, страшное слово –
Отечество,
тихое, тёплое, нежное –
Родина...
То звоном пасхальным
разбудит она, то вздрогнет набатом –
спасу нет.
Но как ни крути – Россия одна,
и я у неё – не пасынок.

Зима-царица

Закат как вешняя повестка,
Не гаснет долго за леском.
Зима стареющей невестой
Молчит, печалась ни о ком.

Зима – лапландская царица!
Влюбился я в характер твой.
Ты знаешь то, чему не сбыться
Над человеческой головой.

Когда весна – твоя убийца –
Нагрывает, радостна и зла,
С усмешкой, свойственной царицам,
Свои побьёшь ты зеркала.

И будет лето долго злиться
За тот побитый вешний стыд,
За то, что ты ушла царицей,
За невозможность отомстить.

Ворон

*Как ты звался, гордый Ворон,
там, где ночь царит всегда!
Молвил Ворон: «Никогда».*

Э. По

Ещё не безнадёжно стар,
ещё с надеждою на счастье,
услышал я ночное – «карр»,
что в переводе значит «здрасте».

И мозгом на сравненья скор,
владея с детства этим даром,
я вспомнил жуткий «Nevermore»
у сумасшедшего Эдгара.

Мой ворон был совсем седой,
по-мефистофельски красивый,
и глаза жёлтою слюдой
смотрел неробко, но учтиво.

По сходной, в общем-то, цене –
то ль от души, то ль за страданья –
он обещал исполнить мне
три самых лакомых желанья.

Боясь потратить время зря,
в мечты я бросился с азартом.
В руках – как три богатыря –
три верных и небитых карты.

Что думать, коли есть запас!
Мечту один я выдал быстро –
ты бы Отечество мне спас
от душной лапы коммунистов.

Он крылья от боков отнял,
сказал – не утомляй напрасно!
Ты что не знаешь? Мы родня,
мы дети ада, чёрный с красным.

И жёлтым глазом заскучав,
с обидой клюв в меня настроив,

не по-вороньи сгоряча
он приказал: давай «второе»!

Суров залётный асмодей –
не поминаю красных боле.
Любимой женщине моей
счастливую накаркай долю!

В глазах оттаяла слюда –
ему понравилось такое,
спросил лишь только – молода?
Тогда несложно – будь спокоен!

И я пошёл на третий круг,
от прошлой осмелев удачи –
ты сделай так, мой чёрный друг,
чтоб для неё я что-то значил.

Вороний смех, как адский вар,
вплевался в уши так некстати.
Он мне сказал прощаясь – «карр»,
что в переводе значит – «спятил».

